

DOI: 10.31857/S020596060021604-6

О ЛЮБИТЕЛЬСТВЕ В НАУКЕ XVIII в.: К ИСТОРИИ ГРИГОРИЯ ДЕМИДОВА И БОТАНИЧЕСКОГО САДА В СОЛИКАМСКЕ

*ЕЛИНА Ольга Юрьевна – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
E-mail: olga.elina25@gmail.com*

© О. Ю. Елина

Статья посвящена Григорию Демидову, представителю династии богатейших предпринимателей России XVIII в., его научному любительству и вкладу в ботанику. В работе обобщена литература о Демидове как «ботанофиле», предложен новый взгляд на процесс формирования его ботанических интересов.

В традициях дворянства Григорий начинал с создания «парадиза» с экзотическими растениями в уральском Соликамске. В историографии распространено мнение, что увлечение Демидова наукой возникло благодаря натуралисту Второй Камчатской экспедиции Г. Стеллеру, который якобы останавливался в Соликамске в 1739 г. по дороге в Сибирь. Наше сопоставление архивных источников и материалов о путешествии Стеллера ставит под сомнение эту версию. Напротив, в письме к ботанику Т. Герберу, написанном в тот же период, Демидов рассказывал о собственном опыте сбора эндемичных растений, прежде всего медицинских, желании разобраться в их номенклатуре. Уникальные для любителя познания Григория в «науке о растениях», его аптекарские навыки отмечали посетившие Соликамск в 1742 г. академики Г. Миллер и И. Гмелин. Поэтому не случайно Стеллер, возвращаясь в Петербург, весной 1746 г. остановился у Демидова для спасения собранных растений. После скорострительной смерти Стеллера Григорий стал обладателем внушительной коллекции редких камчатских и сибирских растений. Эта коллекция позволила ему в 1748 г. начать обмен семенами с профессиональными ботаниками, в первую очередь с К. Линнеем. Переписка с Линнеем свидетельствовала также о значительном прогрессе ботанического опыта и знаний Григория.

В статье утверждается, что увлечение ботаникой у Григория Демидова возникло в период самостоятельного сбора и культивирования декоративных и полезных растений. Ученые лишь направляли этот процесс, но не инициировали его. Тем не менее любительские навыки и научные устремления Григория позволяют поставить его имя в ряд крупных деятелей ботаники, что отметил в своем всемирно известном трактате *Species plantarum* Линней.

Ключевые слова: Григорий Акинфиевич Демидов, Соликамский сад, Демидовы, коллекционирование растений, ботаника, ботанические сады, гербарии, любители, профессионалы, Георг Вильгельм Стеллер (Штеллер), Вторая Камчатская экспедиция, Российская империя.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2022 г.

ON AMATEURISM IN THE 18TH-CENTURY RUSSIAN SCIENCE: THE CASE OF GRIGORY DEMIDOV AND HIS GARDEN IN SOLIKAMSK

ELINA Olga Yurievna – *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia;*
E-mail: olga.elina25@gmail.com

© О. Ю. Елина

Abstract: This article describes the case of Grigory Demidov from the dynasty of the wealthiest industrialists in 18th-century Russia, with an emphasis on his scientific amateurism and contribution to botany. Summarizing the literature on Demidov as a “botanophile”, the article offers a rethinking of the process of formation of his botanical interests.

In line with the nobility’s tradition, Grigory set out to create a “paradise” with exotic plants on his estate in the Ural city of Solikamsk. There is a widespread historiographic belief that Demidov’s fascination with botany emerged due to Georg Steller, the naturalist with the Second Kamchatka Expedition, who had allegedly stayed in Solikamsk in 1739 en route to Siberia. However, our comparison of the archival sources and materials concerning Steller’s journey casts doubt on this hypothesis. On the contrary, in his letter to the botanist T. Gerber, written during the same period, Demidov recounted his experience of collecting endemic plants, including medicinal herbs, his desire to learn more about their taxonomy and nomenclature. Grigory’s amateur interest in the “science of plants” and his pharmaceutical skills were noted by Academicians G. F. Müller and I. G. Gmelin, who visited Solikamsk in 1742. Therefore, it is no coincidence that Steller, on the way back to St. Petersburg, in the spring of 1746 stayed with Demidov to salvage the plants collected during the Expedition. After Steller’s sudden death, Grigory became the owner of a vast collection of rare Kamchatka and Siberian plants. This collection enabled Demidov to begin exchanging seeds with professional botanists, primarily with Carl Linnaeus, in 1748. His correspondence with Linnaeus demonstrates an impressive progress in Grigory’s botanical experience and knowledge.

The article argues that Grigory Demidov’s fascination with botany arose when he collected and cultivated ornamental and medicinal plants on his own. Professional botanists had only guided this process but had not initiated it. Nevertheless, Grigory Demidov’s amateur skills and scientific aspirations allow to place his name among the major actors in botany. Even Linnaeus himself had mentioned Demidov’s contribution to botany in his world-famous treatise, *Species plantarum*.

Keywords: Grigory Akinfievich Demidov, Solikamsk Garden, the Demidovs, plant collecting, botany, botanical gardens, herbaria, amateurs, professionals, Georg Wilhelm Steller, Second (Great) Kamchatka Expedition, Russian Empire.

For citation: Elina, O. Yu. (2022) O liubitel'stve v nauke XVIII v.: k istorii Grigoriia Demidova i botanicheskogo sada v Solikamske [On Amateurism in the 18th-Century Russian Science: The Case of Grigory Demidov and His Garden in Solikamsk], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 43, no. 3, pp. 513–542, DOI: 10.31857/S020596060021604-6.

Устройство садов в России имеет давнюю историю¹. Со времен Алексея Михайловича и особенно Петра I сады стали любимым развлечением русских царей. «Пример двора священ вельможам, богачам; Во всех родилась страсть изящная к садам», — говорилось о России XVIII в. в адаптированном переводе популярной поэмы Ж. Делиля «Сады»². «Забава» быстро распространилась на придворных сановников, со временем — на поместное дворянство. При этом утилитарные функции — выращивание лекарственных, «кухонных» и других полезных растений, — первостепенные для ранней истории садов, все меньше занимали их эстетствующих владельцев: в моду вошли декоративные «парадизы». Хозяева гордились и похвалялись своими райскими кущами не меньше, чем собраниями живописи и другими престижными коллекциями.

Важным элементом садовых занятий стало *коллекционирование растений*, для которого высокородные патроны приглашали профессиональных ученых. Сады некоторых аристократов, где накапливали знания и совершенствовались практические навыки молодые ботаники, становились отправной точкой для последующих академических карьер³. Самые известные частные ботанические сады — результат союза владельца-патрона и ученых-профессионалов⁴. Но нередко хозяин, не отказываясь от помощи специалистов, проявлял к коллекционированию повышенный интерес: самостоятельно выискивал, обихаживал и даже изучал растения. Происходила, по выражению О. С. Евангуловой, «игра в профессионала»: для признания за пределами своего круга любителям требовалась «определенная эрудиция,

¹ Про разведение садов см., например: *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Русские сады и парки. М.: Наука, 1988; *Черный В. Д.* Русские средневековые сады: опыты классификации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.

² *Делиль Ж.* Сады. Л.: Наука, 1987. С. 103.

³ См. об этом: *Elina, O.* Private Botanical Gardens in Russia: Between Noble Culture and Scientific Professionalization // *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes*. 2007. Vol. 28. No. 3–4. P. 525–547.

⁴ Таким было, например, самое известное частное собрание Российской империи, имевшее научное значение, где занимались не только традиционной интродукцией растений, но направленным изучением российской и тропической флоры — знаменитые Горенки А. К. Разумовского, в создании которого принимали участие ботаники Ф. Х. Стефан, И. И. Редовский, Ф. Э. Л. фон Фишер и др., см.: *Elina O. Ю.* Любители и профессионалы: ботаника и архитектура в садах А. К. Разумовского в Центральной России и Малороссии // *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2015 / Отв. ред. Ю. М. Батурин, вып. ред. Р. А. Фандо. М.: ЛЕНАНД, 2015. Т. 1. С. 453–457.* Горенский сад вошел в мировую историю ботаники, см.: *Sprengel, K.* Geschichte der Botanik. In 2 Teilen. Altenburg; Leipzig: F. A. Brockhaus, 1818. Teil 2. S. 381.

непосредственная близость к науке, технике и их достижениям»⁵. Оказалось, что предмет интереса – растение – не слишком сложно для собственноручных занятий с ним знатного дилетанта. Добавим к садовому набору аристократа идею просветительства, захватившую лучшие умы эпохи. Владельцы садов, увлеченные необычной «забавой», стремившиеся превратить ее в ученое занятие и инструмент популяризации знаний, сделали российский XVIII в. эпохой *просвещенного любительства в ботанике*.

Братья Прокофий (Прокопий), Григорий и Никита Акинфиевичи Демидовы были одними из самых известных любителей садов и коллекционеров растений XVIII в. Благодаря отцу, успешному горнопромышленнику Акинфию Никитичу, возведенному в 1726 г. в потомственное дворянство, Демидовы стали не только богатейшей династией предпринимателей, но и дворянским родом⁶. Новый статус, обладателям которого пристало «развлекать себя садами», представляется важной социокультурной вехой жизненных устремлений братьев Демидовых.

Действительно, каждый из них по-своему приобщился к своеобразной составляющей интеграции в сословие, о каждом в связи с садами известно немало. Старший, Прокофий (1710–1786), создал самый знаменитый частный ботанический сад XVIII в. – тогда еще подмосковный Нескучный, который, по мнению академика П. С. Палласа, «не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других государствах славными ботаническими садами сравнен быть может»⁷. Младший, Никита (1724–1787), владелец пышных «парадизов» в Москве, оставил подробные записки о посещениях известных растительных собраний Европы⁸.

Средний брат был известен меньше других; биограф рода Демидовых К. Д. Головщиков посвятил ему лишь несколько строк⁹. Но в последние десятилетия Григорий (1715–1761) вошел в литературу благодаря выдающейся ботанической коллекции, сложившейся благодаря нему в уральском Соликамске, образцы из которой получал Карл Линней. Ценность провинциального сада Демидова настолько велика, что «соликамского ботаника», как назвал Григория И. Н. Юркин, причисляют к кругу лиц, оказавших влияние на развитие мирового ботанического знания¹⁰.

В данной статье ставятся две задачи. С одной стороны, назрела необходимость обобщить литературу о Григории как любителе ботаники, или

⁵ *Евангулова О. С.* Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 81.

⁶ *Головщиков К. Д.* Род дворян Демидовых. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1881.

⁷ [*Паллас П. С.*] Каталог растениям, находящимся в Москве в саду... Прокофия Акинфиевича Демидова, сочиненный П. С. Палласом, академиком Санкт-Петербургским. СПб.: При Императорской академии наук, 1781.

⁸ [*Демидов Н. А.*] Журнал путешествия его высококородия господина статского советника... Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда Его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию, ноября 22 дня 1773 года. М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786.

⁹ *Головщиков.* Род дворян Демидовых... С. 113.

¹⁰ *Юркин И. Н.* Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001. С. 107.

«ботанофиле» по самоназванию¹¹. Одновременно, что более важно, предполагается переосмыслить историю его уральского сада; для этого будут заново рассмотрены время и обстоятельства появления там профессионалов, эволюция интереса Григория к растениям, предпосылки и особенности ботанического коллекционирования.

Наиболее полно «ботаническая биография» Григория Демидова изложена в фундаментальных трудах классика демидоведения И. Н. Юркина¹². Давая широкую панораму деятельности представителей рода Демидовых на поприще благотворительности, просветительства, организации науки и образования, Юркин впервые с максимальной степенью детализации и точности исследовал феномен любительства Григория, посвятив «соликамскому ботанику» специальную главу в одной из монографий¹³. К книгам и статьям Юркина мы будем не раз обращаться в предлагаемом исследовании.

Несомненной ценностью обладает масштабный проект аннотированной публикации писем Григория и его сыновей к Линнею, выполненный основателем Демидовского института в Екатеринбурге А. С. Черкасовой¹⁴. Важное исследование Демидовых как библиофилов было предпринято Е. Н. Пироговой, проследившей обстоятельства формирования библиотек семьи¹⁵.

Обратим внимание на изучение случая Григория Демидова в рамках соликамского и, шире, уральского краеведения. Среди публикаций выделим работы географа и писателя-краеведа Л. В. Баньковского, который в 1990-е гг. одним из первых привлек внимание специалистов к существованию на Урале

Портрет Г. А. Демидова, н. х., конец XVIII – начало XIX в. Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Возможно, является копией оригинального портрета XVIII в., хранящегося в семье потомков Демидовых. Публикуется с разрешения музея

¹¹ Из письма Г. А. Демидова К. Линнею от 15 мая 1750 г., архив Лондонского Линнеевского общества // <https://www.alvin-portal.org/alvin/imageViewer.jsf?dsId=ATTACHMENT-0001&pid=alvin-record:224651>.

¹² Юркин И. Н. Демидовы. Столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2012; Юркин. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки...

¹³ Юркин. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки... С. 107–125.

¹⁴ Черкасова А. С. «Ваши научные познания... известны мне...» (Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею) // Демидовский временник: исторический альманах. 2-е изд. / Сост. и отв. ред. А. С. Черкасова, Н. Г. Павловский, Т. В. Крупина. Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. Кн. 2. С. 9–84.

¹⁵ Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: Сократ, 2000.

выдающегося частного сада¹⁶. Отметим также биографическое исследование о Г. А. Демидове соликамского историка В. К. Штибена¹⁷ и сборник документов по истории Соликамского сада, подготовленный коллективом авторов под редакцией председателя Соликамского Демидовского клуба Е. В. Смирнова¹⁸.

Известно, что к 1740-м гг. в заводских владениях Демидовых на Урале и в Туле уже имелись *огороды*, как именовали тогда сады¹⁹. Усадебные сады, согласно Юркину, – распространенное еще с XVII в. окружение мануфактурных предприятий²⁰. Учитывая этот факт, а также годы пребывания и активной деятельности на Урале Акинфия Демидова, можно предположить, что увлечение растениями досталось сыновьям от отца.

Датировать основание сада, вошедшего в литературу под именем *Соликамского*, по итогам публикаций журналиста-краеведа В. М. Свалова²¹ принято началом 1730-х гг.²² Считается, что исходно сад обеспечивал усадьбу сезонными продуктами, но среди строений упоминается оранжерея²³, что предполагает выращивание в саду теплолюбивых «заморских» культур²⁴. Отдельные авторы склонны уже этот ранний сад называть «ботаническим»²⁵. Однако, по мнению Юркина, сведения о закладке и состоянии сада столь противоречивы, что не позволяют ни установить его исходное назначение, ни определить характер участия в его создании старших братьев, Прокофия и Григория (а, возможно, и их отца)²⁶. Но для данного исследования это не так важно; достаточно того, что сад в Соликамске упоминается в документах рубежа 1740-х гг., и в этот период он связан с Григорием Демидовым.

По поручению отца Григорий должен был курировать семейные соляные промыслы на Урале; с 1731 г. он поселился с молодой женой в усадьбе при селе

¹⁶ *Баньковский Л. В.* Пермистика. Заметки об истоках пермской региональной культуры. Пермь: Книжное изд-во, 1991; *Баньковский Л. В.* Сад XVIII века. 3-е изд. Соликамск: СГПИ, 2010.

¹⁷ *Штибен В. К.* Григорий Демидов: первый биографический опыт. Соликамск: Пчела, 2011.

¹⁸ История Соликамского сада / Ред. Е. В. Смирнов. Соликамск, 2015 (<https://uraloved.ru/istoriya/istoriya-solikamskogo-sada>).

¹⁹ *Юркин И. Н.* Демидовы в Туле. Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998.

²⁰ *Юркин И. Н.* К истории русских усадебных садов XVII века // Известия Тульского университета. История и культурология. 2003. Т. 1. № 1. С. 12–31.

²¹ *Свалов В. М.* Такой нетипичный Демидов: о ботаническом саде Г. А. Демидова // Уральский следопыт. 1983. № 4. С. 74–76.

²² *Караваев М. Н., Ефимов А. И.* Прокофий Демидов – натуралист XVIII века // Природа. 1983. № 2. С. 96–101.

²³ *Баньковский.* Пермистика... С. 34–36; *Баньковский.* Сад XVIII века... С. 67–68.

²⁴ О садах середины XVIII в. см., например: *Elina, O.* Passion for Plants: Collections and Power Games in Botany in the 18th – Beginning of the 19th Century Russian Empire // Centaurus. 2018. Vol. 60. Iss. 4. P. 257–275.

²⁵ *Баньковский Л. В.* Ботанический сад Григория Демидова // Наука и жизнь. 2007. № 2. С. 24–31.

²⁶ И. Н. Юркин не исключает «причастности» Прокофия к Соликамскому саду: *Юркин.* Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки... С. 82, 83, 114.

Красном под Соликамском²⁷. Новообращенный промышленник хорошо изучил солеваренное дело, которым ему предстояло заниматься, но образования не имел, был далек от ученого мира. Сложно предположить, что не искушенный в науках и совсем молодой человек (Григорию в то время немногим более 20 лет), увлекшись коллекционированием растений, обошелся без содействия профессионалов. Поэтому главный вопрос, требующий детального изучения: кто и когда способствовал продвижению Соликамского сада в направлении ботанического?

Согласованная позиция исследователей такова: на занятия Григория Демидова и научную трансформацию сада повлияли участники академического отряда Второй Камчатской экспедиции, проводившейся в 1733–1743 гг. под командованием капитан-командора Витуса Беринга²⁸. Речь идет об академиках И. Г. Гмелине и Г. Ф. Миллере, «студенте при академической свите» С. П. Крашенинникове и адъютанте Академии наук Г. В. Стеллере. Сразу заметим: полностью солидаризуясь с этим мнением, будем обсуждать лишь *даты и обстоятельства* знакомства Демидова с учеными.

Прежде всего подчеркнем: предложенный Сваловым и подхваченный Баньковским беллетристический сюжет о посещении Соликамска академическим отрядом экспедиции по дороге в Сибирь в 1733 г., где академики якобы обнаружили сад с ботаническими коллекциями и даже разработали рекомендации по их пополнению, в современном демидоведении признан недостоверным. Детально описанный Гмелиным в его многотомном труде «Путешествие по Сибири» маршрут пролегал вдалеке от Соликамска²⁹. Однако и сегодня появляются работы, поддерживающие эту версию³⁰.

²⁷ Считается, что усадебный дом достался Григорию либо от Акинфия, либо был получен в 1731 г. в качестве приданого при женитьбе на дочери местного солепромышленника Анастасии Павловне Суровцевой: «...в приданное за дочерью Павел Суровцев дал село Красное с землями, на которых Г. Демидов заложил ботанический сад» (*Штибен. Григорий Демидов...* С. 10). Черкасова также связывает Красное с женитьбой Григория, не находя при этом документальных подтверждений пребывания Прокофия в Соликамске (*Черкасова. «Ваши научные познания...»*... С. 309–310).

²⁸ Об экспедиции см., например: Вторая Камчатская экспедиция. Документы / Сост. Н. А. Охотина-Линд, П. У. Меллер. М.: Памятники исторической мысли. 2001–2018. Т. 1–5. Маршрут основной группы Академического отряда пролегал через Москву – Нижний Новгород – Казань – Пермь (1734) – Екатеринбург – Тобольск – Тюмень – Томск – Кузнецк (1734) – Енисейск (1735) – Якутск (1736) – Томск (1740) – Пелым (1740) – Тару (1740) – Березов (1740) – Тобольск (1740–1741) – Тюмень (1741) – Верхотурье (1741–1742) – Соликамск (1743) – Вологду – Петербург.

²⁹ Согласно Гмелину, их путешествие с Миллером на пути в Сибирь складывалось по следующему маршруту: 8 августа 1733 г. академики выехали из Петербурга, через Казань, Осу, Кунгур, Ялым, Шайтанские заводы Демидовых (современный Первоуральск) и Екатеринбург в январе 1734 г. добрались до Тобольска, где оставались до конца мая, по Иртышу сплавились до Тары, в конце июня приехали в Омск. Далее, посетив Кузнецк, Томск и Енисейск, в марте 1735 г. путешественники достигли Иркутска и в конце года соединились с руководством экспедиции в Якутске (*Gmelin, J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen: Vandenhoeck, 1751. Teil 1. См. об этом также: Мюллер, Герард-Фридрих // Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. СПб.: Тип. Императорской АН, 1870. Т. 1. С. 308–430; Гмелин, Иоганн-Георг // Там же. С. 431–457. Как видим, «доуральский» отрезок маршрута проходил значительно южнее Соликамска.*

³⁰ Например, так утверждается в: *Чернов Н. Н. Ботанические увлечения уральских заводчиков Демидовых // Географический вестник. 2010. № 3 (14). С. 77–79.*

Что касается более поздних встреч Демидова с участниками экспедиции, об их обстоятельствах и точных датах нет единого мнения. Между тем мы полагаем, что время посещения Соликамска академиками, их впечатления от увиденного являются главными свидетельствами статуса сада Григория Демидова в тот или иной период.

Опираясь на историографию, привлекая опубликованные и архивные документы, попробуем пересмотреть вехи «ботанизации» Соликамского сада и роли отдельных участников в этом процессе.

На данный момент поворотным событием в научной истории сада считается «первый визит» к Демидовым адъюнкта натуральной истории Академии наук Георга Вильгельма Стеллера, в современной транскрипции — Штеллера (1709—1746). Вслед за теми же Сваловым и Баньковским в демидоведении этот эпизод датируют 1739 г.³¹ Утверждается, что Стеллер, включенный в состав академического отряда лишь в 1737 г., следовал в Сибирь собственным маршрутом и почти три месяца провел в Соликамске в ожидании экспедиционных грузов. Баньковский утверждает, что

за это время ученый привел в должный научный порядок весь ботанический сад, определил растения, семена, помог обрести систему большому гербарию, завел специальные книги учета с краткой характеристикой каждого растения, таблички на грядках, в аллеях и теплицах сада³².

И хотя к датировке события есть вопросы — Юркин, например, полагает, что посещение Соликамска, если оно имело место, могло произойти не позже 1738 г.³³ — визит Стеллера к Демидовым в конце 1730-х гг. называют событием, предопределившим научный контекст развития сада.

Займемся деконструкцией этого эпизода.

Прежде всего: Свалов и Баньковский не приводят документальных подтверждений пребывания адъюнкта у Демидовых. Повторим: сведения о визите, как и о характере сада в 1730-е гг. в целом — версия исторической журналистики, вошедшая в научный оборот³⁴.

Обратимся к стеллероведению — историографии и историческим источникам. Ни в биографиях Стеллера, ни в сохранившихся отчетах и письмах ученого посещение Соликамска на пути в Сибирь не упоминается³⁵. В самом раннем из биографических сочинений о Стеллере — очерке П. П. Пекарского в томе с «жизнеописанием членов Академии наук, вступивших в нее в 1725—1742 годах», информация о маршруте представлена скупо: в конце 1737 г. Стеллер выехал из Петербурга в Москву для дальнейшего следования в Сибирь

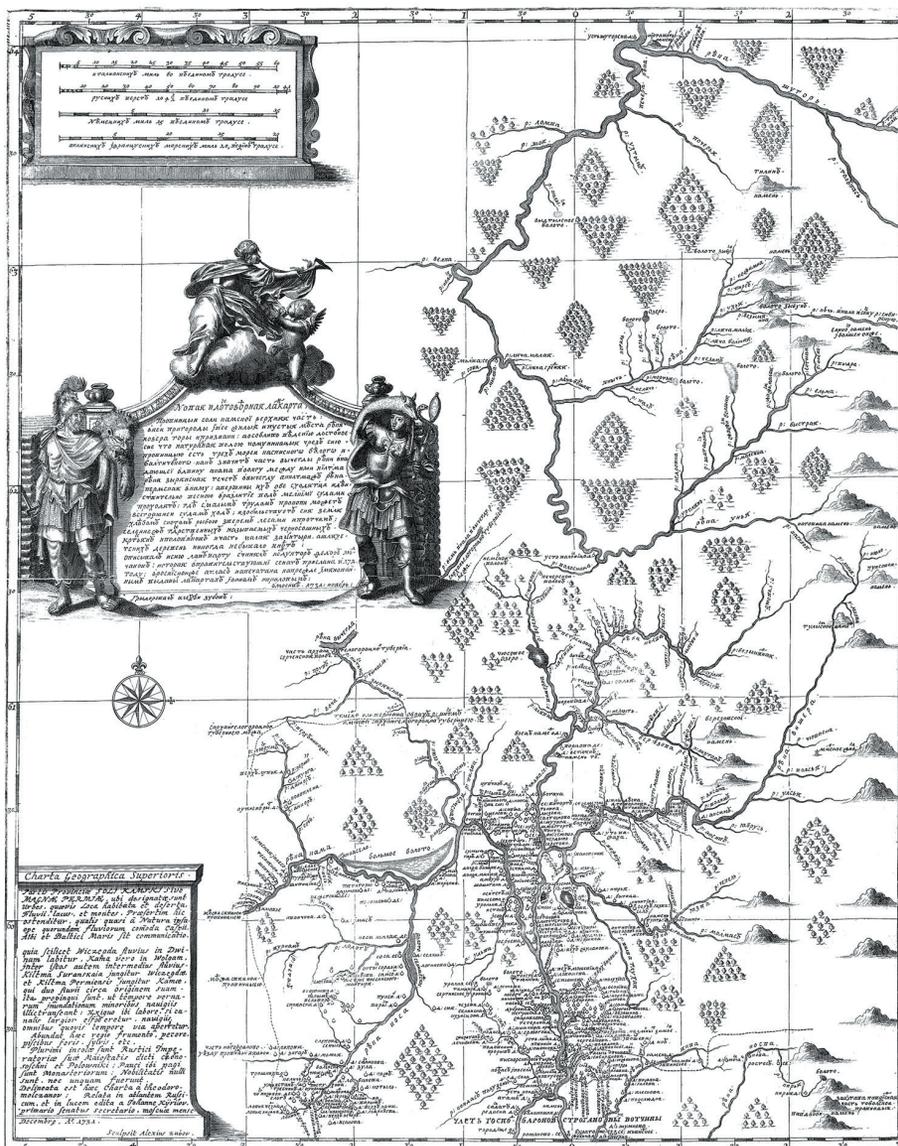
³¹ Баньковский посвятил «первому визиту» Стеллера три страницы текста, по стилю значительное более беллетристического, чем исторического: *Баньковский. Сад XVIII века...* С. 68—70.

³² Там же. С. 68.

³³ Юркин. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки... С. 125.

³⁴ Среди причин появления и продвижения этой версии можно предположить стремление усилить «научный» вес Соликамского сада, прибавив его истории десятков лет и предпослав садовым занятиям Григория рекомендации ученого.

³⁵ Обязательные для члена академического отряда путевые *подневные* записки в случае Стеллера для данного отрезка пути не сохранились.

Карта Соликамской провинции Перми Великой, 1737 г. Из «Атласа Всероссийской империи» (Atlas Imperii Russici), сост. И. К. Кирилов, первая половина XVIII в.

вместе с приданным ему живописцем Иваном Корнильевым Декерном, осенью 1738 г. оба путешественника достигли Томска, и здесь Стеллер сильно занемог горячкою, по получении облегчения от болезни он отправился далее и 20 января 1739 г. прибыл в Енисейск, где зимовали тогда академики Мюллер (имеется в виду Миллер) и Гмелин ³⁶.

³⁶ Георг Вильгельм Стеллер // Пекарский. История императорской Академии наук... 1870. Т. 1. С. 587—616, цитата на с. 590.

Более подробно, хотя и с некоторыми географическими упрощениями, описывает маршрут американский биолог норвежского происхождения Л. Стейнегер, перу которого принадлежит самая полная биография Стеллера. Согласно Стейнегеру,

Стеллер вел дневник (*Itinerarium und Journal von St. Petersburg bis nach Kamschatka, Journal von St. Petersburg bis Kamtschatka*)³⁷, который, к сожалению, был утрачен [...] Как бы то ни было, достоверного и подробного отчета о маршруте, которым Стеллер следовал из Москвы до Томска в 1738 г., не существует [...] Согласно Траутфеттеру³⁸, путь Стеллера из Москвы лежал через Казань, в таком случае он по Оке дошел до Нижнего Новгорода и далее плыл по Волге [...] Близ Казани он оставил Волгу и двинулся по ее могучему притоку Каме, направляясь в Екатеринбург. Ехал ли он через Уфу или Кунгур, сказать точно не представляется возможным [...] вероятно, посещение Кунгура, Невьянска и Нижнетагильских заводов имело место не в 1738 г., а летом 1746 г.³⁹

Детальную хронологию путешествия Стеллера находим у А. И. Андреева в замечательном очерке по источниковедению Сибири. Опираясь на документы Архива Академии наук (отчет Стеллера академикам от 9 декабря 1738 г., письмо президенту академии от 13 февраля 1739 г. и др.), он определяет следующие вехи путешествия: в сопровождении художника И. Деккера (также Деккерн) Стеллер выехал из Санкт-Петербурга 24 декабря 1737 г., в Москву прибыл в последних числах месяца и оставался там до середины марта 1738 г. Покинув Москву 14 марта, приехал в Тобольск 15 июня, где оставался до 21 июля. Как и академики, для дальнейшего пути он выбрал Иртыш, но значительно продлил водный маршрут: спустился по Иртышу до Оби и по ней поднялся вверх до Томска, где оказался 23 сентября. Здесь Стеллер получил приглашение Гмелина и Миллера прибыть к ним в Енисейск, однако из-за плохой дороги и болезни продолжил поездку лишь в конце ноября; 7 декабря он встретился с академиками⁴⁰. Сопоставив приведенные выше маршруты с картой Пермского края и Западной Сибири, легко заметить, что ни один из них не указывал на возможный заезд Стеллера в Соликамск.

Далее, суммировав маршруты, выделим итоговый временной вектор: Стеллер покинул Москву *в марте 1738 г. и в июне того же года* был в Тобольске,

³⁷ Ссылаясь на источники, Стейнегер приводит два варианта названия записок Стеллера, используя при этом различное написание слова *Камчатка*.

³⁸ Эрнст Рудольф Траутфеттер (1809–1889) – натуралист, ботаник, знаток русской флоры, ординарный профессор и ректор Императорского университета Св. Владимира в Киеве. Помимо многочисленных трудов по флоре России, оставил ряд исторических исследований. Вероятно, имеется в виду работа Траутфеттера 1837 г. (*Trautvetter, E. R. Grundriss einer Geschichte der Botanik in Bezug auf Russland. St. Petersburg: Aus der Druckerei der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1837*).

³⁹ *Stejneger, L. H. Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936. P. 135–136.*

⁴⁰ *Андреев А. И. Георг Вильгельм Стеллер // Очерки по источниковедению Сибири / Отв. ред. В. К. Яцунский. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2: XVIII в. (первая половина). С. 229–286; о пути в Сибирь: С. 232–233.*

что полностью исключает посещение Соликамска в 1739 г., о котором пишет Баньковский. Допускаем, что с датировкой произошла ошибка, визит состоялся годом раньше. Но и это не разрешает хронологическую нестыковку, порождает новые вопросы.

Главный: как поместить между Москвой (середина марта) и Тобольском (середина июня) трехмесячное (!) пребывание у Демидова, описанное Баньковским? Далее: зачем Стеллеру понадобилось терять время, забирая севернее, при наличии более короткого южного пути, уже опробованного академиками в 1733 г.? Стремление «ботанизировать» в новых местах в качестве объяснения представляется неубедительным: Стеллер спешил встретиться с руководством отряда и вряд ли решился бы самоуправствовать. Правда, на участке между Тобольском и Томском он действительно нарушил маршрут, выбрав дорогу не через Тару, как когда-то академики, а более длинный водный путь со сменой Иртыша на Обь. Однако по времени маршрут оказался не дольше запланированного. Вероятно, в основе версии — проекция на начало экспедиции эпизодов «непослушания» молодого адъюнкта, относящихся к более позднему камчатскому периоду.

Наконец, если бы Стеллер навестил Демидовых по дороге в Сибирь, при встрече с академиками он поделился бы новостью о наличии в провинции явно незаурядного садового заведения. Забегая вперед, отметим: записки Гмелина и Миллера говорят об обратном — до своего визита в Соликамск в 1742 г. они ничего не знали о саде Демидовых.

Выскажем предположение: закрепление в историографии сюжетов, подобных «первому визиту» Стеллера, — следствие разобщенности «демидоведов» и «стеллероведов», недостаточного внимания первых к работам вторых. Несомненные достоинства публикаций Баньковского не отменяют присутствия в них непроверенных фактов, перекочевавших далее во многие историко-научные труды.

Итак, пребывание Стеллера в Соликамске в 1738 или 1739 г. не находит документальных обоснований и не вписывается в хронологию подтвержденных событий. Соответственно, адъюнкт не мог оказать влияния на научное развитие сада Демидовых в то время.

Исключив из истории Соликамского сада такой важный элемент конструкции, как очное знакомство его владельца и оказавшегося поблизости ученого-ботаника, попробуем предложить свою версию событий. Ее построение опирается на источники личного происхождения, связанные с Григорием Демидовым. Заметим, что в отличие от Прокофия, все письма и бумаги которого собраны и тщательно прокомментированы в специальном томе ⁴¹, средний брат пока не удостоился подобного внимания: его архивное наследие полностью не выявлено, немногие находящиеся в научном обороте документы мало изучены и прокомментированы.

⁴¹ Черкасова А. С. Прокофий Акинфиевич Демидов: автопортрет в письмах. 1735–1786. Екатеринбург: Русский мир, 2010.

Один из таких источников – письмо Григория директору Аптекарского огорода в Москве, известному ботанику Траутготту Герберу⁴², датированное 1740-м г.⁴³ Демидов начинает с извинений за долгое молчание, объясняя его переправкой на Урал в Соликамск и ожиданием перевода с немецкого (которым не владеет) прошлогоднего послания Гербера. Поскольку оригинальное письмо Гербера, как следует из комментариев Григория, было направлено в принадлежащее Демидовым нижегородское село Фокино, можно предположить очное знакомство ученого (во время его волжских экспедиций) с кем-то из членов семьи. Однако возможна и отправка письма с Урала в Фокино для перевода. В любом случае мы имеем дело с перепиской, начатой еще в 1739 г., а возможно, и раньше. Попутно Григорий упоминает, что поддерживает контакт также с директором Медицинской канцелярии архиатром И. Б. фон Фишером⁴⁴, которому переправляет растения через секретаря канцелярии.

К Герберу Григорий обращается с несколькими просьбами. Одна из них вполне типична для любителя «парадизов»: Демидов просит «ежели которые угодны и которые имеютца 2 планты то извольте со мною поделитца», «семечек с вашу сторону прислать которыхя покуриозней». Обмен растениями – практика, широко распространенная не только в научных кругах, но и в среде любителей. И Григорий ведет себя как классический любитель, вступающий в контакт с профессионалом ради пополнения своего растительного собрания редкостями. Вполне вероятно, что в Соликамский сад поступали «куриозные планты» из ботанических коллекций обеих столиц.

Но далее проситель «экзотов» предстает в новом свете: он сообщает Герберу о «намерении травы, которые от болезни употребляют, описать российскими именами» и отправляет ученому образцы местных растений «в количестве 241 штук, в семенах и гербарных листах» в надежде на содействие в их научной атрибуции. Мы узнаем также, что это не первая просьба: Демидов

⁴² Траутготт Гербер (1710–1743) – врач, ботаник, выпускник Лейпцигского университета. В 1735–1742 гг. занимал должность директора Аптекарского огорода в Москве, где заложил основы научных ботанических исследований, изучая флору и растительность Европейской России. Одновременно преподавал анатомию и хирургию в Московской госпитальной школе. Собрал гербарий местной флоры, в 1739–1741 гг. организовал медико-ботанические экспедиции для изучения растительности бассейна Волги и Дона. Материалы рукописных трудов Гербера («Московская флора» (1736), «Волжская флора» (1739), «Донская флора» (1742) были известны К. Линнею и послужили И. Амману для составления первой сводной флоры России. В 1742 г. вышел в отставку, откомандирован в Финляндию сопровождать русскую армию в русско-шведской войне.

⁴³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 1 (Канцелярия Конференции АН). Оп. 104. Д. 12. Л. 41–42. Копия документа была получена автором от коллег из Германии, готовивших биографию Гербера, см.: *Rentsch, M. Traugott Gerber (1710–1743), ein deutscher Arzt und Forschungsreisender im Dienst der Botanik und Medizin im Russland des 18. Jahrhunderts*. Dresden: Eigendruck der SLUB Dresden, 2013. Впервые упомянут в: *Капраев М. Н.* Роль Московского медицинского огорода в развитии ботаники в начале XVIII в. // Бюллетень МОИП. Отд. биологический. Т. 77. С. 142–148. Опубликовано также на ресурсе: <https://uraloved.ru/istoriya/istoriya-solikamskogo-sada>.

⁴⁴ Иоганн Бернгард фон Фишер (1685–1772) – архиатр (главный лейб-медик, начальник всей медицинской части), директор Медицинской канцелярии в Санкт-Петербурге.

добавляет, что ожидает помощи в том, чтобы «таким же порядком роды разобрать как вы прежде ко мне мои гербарии подписали». Подписанные Гербером в прошлом гербарии соликамского любителя, отправленные ему же новые образцы «в гербарных листах» говорят о владении Григорием навыками гербаризации. Вероятно, его первую коллекцию составляли разнообразные уральские растения, в том числе «медицинские травы»: как мы видим, он хорошо знаком с местной флорой, лекарственными растениями. Что касается целей, очевидно желание создать своего рода каталог, травник-лечебник. Возможно, речь шла об уральской флоре в целом. Для этого нужна помощь специалиста: Григорий стремится к дополнению «народного» наименования растений «ученым». Интересно, что при описании местных лечебных практик он дважды использует слово «ботаник». Контекст необычен: так названы не ученые-академики⁴⁵, а односельчане, занимающиеся сбором и применением трав. Возможно, комментируя дистанцию между истинно ботаническим и «народным» знанием, Григорий предлагает своему корреспонденту разделить ироничное отношение к последнему: «Пришлю к вам историю оп оных трав как наши ботаники оные употребляют и вы будите весьма смеяться»⁴⁶. Чем закончилась история с травником, неизвестно. Она показательна для понимания просветительских, популяризаторских устремлений Григория, осознания им науки как неотъемлемой составляющей любительских занятий.

Письмо свидетельствует о смелости и амбициозности молодого заводчика, затеявшего обмен растениями с крупнейшими авторитетами российской ботаники и медицины. В свою очередь, Демидов мог быть интересен ученым как знаток и поставщик медицинских и других «плантов» Предуралья. Возможно, Гербер и фон Фишер давали какие-то советы по формированию коллекций, предлагали уделить внимание местным растениям, представляющим научный интерес. Однако сведений о подобных рекомендациях пока не обнаружено.

Наконец, самое важное: документ содержит указания на состояние и назначение сада Григория Демидова. Там выращиваются декоративные растения; владелец стремится расширить их ассортимент, запрашивает образцы «покуриознее». Далее, количество отправленных Герберу «медицинских плантов» говорит о том, что Демидов занимался и традиционным сбором дикорастущих растений и направленно культивировал в своем саду «травы, которые от болезни употребляют». Таким образом, к 1740 г. у Григория Демидова в селе Красном – не только декоративный, но также утилитарный сад, назначение которого – медицинское.

Данные о характере Соликамского сада конкретизируются свидетельствами членов академического отряда Второй Камчатской экспедиции Герарда (Герхарда) Фридриха Миллера (1705–1783) и Иоганна Георга Гмелина (1709–1755), побывавших у Григория Демидова в декабре 1742 г. по дороге из Сибири.

⁴⁵ Такое предположение делает М. Н. Караваев. См. ссылку 43.

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 104. Д. 12. Л. 41.

В дневниковых заметках Миллера о визите упоминается коротко: академик отмечал познания хозяина в области растений и естественных наук, наличие в его владениях аптеки, садовой оранжереи, некоей лаборатории (возможно, относящейся к аптеке) и библиотеки⁴⁷.

Гмелин оставил о посещении Соликамска⁴⁸ более подробную запись, которая отражает детали занятий и интересов Григория:

У господина Демидова прекрасная аптека, в которой он знает каждое лекарство и его действие. Он также большой любитель естественной истории⁴⁹, особенно науки о травах (*Krauterwissenschaft*, речь идет о ботанике, курсив мой. – О. Е.), большое количество которых он не только засушивает в бумагах⁵⁰, но и содержит с большим тщанием изящный сад, стоящий ему немалых расходов, в котором имеется поистине царская для этих мест оранжерея⁵¹. Многим местным жителям это непонятно [...] Но он сумел вырваться из предрассудков [...] Он знает, что ему позволено получать невинное наслаждение от божьих созданий⁵².

Картину отношений Григория с миром знаний дополняют комментарии Гмелина о семье Демидова: «Его жена очень учтива. Воспитание детей в его доме весьма похвально [...] Дети от пяти до восьми лет [...] обучаются языкам и другим полезным наукам»⁵³. Заметим в скобках, что проект образования детей полностью удался: домашнее обучение открыло Александру, Павлу и Петру Демидовым путь в европейские университеты.

Итак, Миллер и Гмелин подтверждают: Григорий – практикующий знаток «медицинских плантов»; в его саду есть аптека, возможно, с лабораторией для изготовления лекарственных препаратов. В терминологии того времени у Демидова в селе Красном – *аптекарский огород*. Одновременное

⁴⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. П. 518. Ч. 3. Л. 6–11. Прочтение соответствующих фрагментов записок из так называемых «портфелей Миллера» затруднено сложностью расшифровки текста. См. об этом, например: Андреев А. И. Герхард Фридрих Миллер // Очерки по источниковедению Сибири... 1965. Вып. 2. С. 73–164.

⁴⁸ Согласно Гмелину, в Соликамске академики провели более полумесяца, пришедшиеся на время поста, а именно с середины декабря до Рождества. Гмелин подробно описал не только усадьбу Демидовых, но и сам город, его жителей, соляные производства и пр. См.: *Gmelin, J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743*. Göttingen: Abram Vandenhoeck, 1752. Teil 4. S. 516–540.

⁴⁹ *Naturalischen Geschichte*, натуральная, или естественная, история – общее название естествознания, естественных наук в то время.

⁵⁰ Имеется в виду изготовление гербариев.

⁵¹ Мой перевод приведенного выше фрагмента текста отличается от перевода глав труда Гмелина, относящихся к Соликамску, выполненного Д. Ф. Криворучко. Например, в версии Криворучко фраза про оранжерею акцентирует уникальность демидовской оранжереи для России: «...королевская для этой страны (выделено мной. – О. Е.) оранжерея» (см.: *Гмелин И. Г. Путешествие в Сибирь. Фрагмент / Пер. с нем. Д. Ф. Криворучко. Соликамск, 2012; эл. ресурс: <https://uraloved.ru/starosti/gmelin-puteshestvie-v-sibir>*). Между тем речь идет лишь об этих землях, местах.

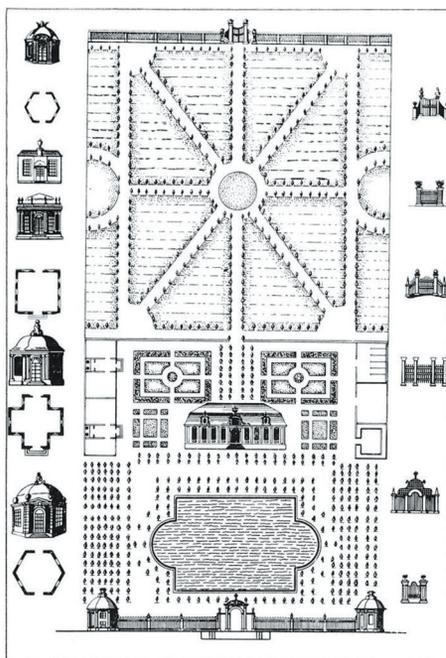
⁵² Цит. по: *Gmelin. Reise durch Sibirien...* Teil 4. S. 519–520.

⁵³ *Ibid.* S. 520.

присутствие «королевской оранжереи» свидетельствует о саде и как о незаурядном для провинции «парадизе», явно поразившем академиков, хотя они оказались в Соликамске в декабре и не могли в полной мере оценить декоративное богатство сада.

Путь к ботаническому коллекционированию через медицину воспроизводит магистральную историческую траекторию формирования ботанических институций – от средневековых монастырских *вертоградов*, через *аптекарские огороды*, до специализированных научных садов⁵⁴. Не менее ощутимый импульс коллекционирование получило со стороны эстетической: соперничая между собой в количестве и качестве экзотов, вельможные сады и парки внесли свой вклад в копилку ботаники. В случае Соликамского сада Григория Демидова наблюдается присутствие, ускоренное развитие и слияние обеих составляющих: всего за десятилетие владелец прошел путь от случайного собирательства лекарственных трав и «куриозных плантов» до направленного ботанического коллекционирования. При этом «аптекарская» ипостась сада, связь с народной медициной, нетипичная для классического декоративного сада столичного аристократа XVIII в., представляется вполне логичной в случае провинциального Соликамска и его не слишком родовитого основателя⁵⁵. И главное: Григорий – не праздный заказчик растительной роскоши и домашних лечебных снадобий, но деятельный любитель-самоучка, самостоятельно практикующий с растениями, стремящийся к знаниям, углубленно изучающий естественные науки.

Мы не одиноки в попытках переосмыслить раннюю историю садовых занятий Григория и направляющую роль в них участников Камчатской экспедиции, заявленную когда-то старшим поколением соликамских исследователей. Изучение детища Григория Демидова продолжается в современном краеведении; выявляются новые документы, расставляются неожиданные акценты. Особенно интересны публикации, подготовленные уже упомянутым Соликамским Демидовским клубом.

Проект образцовой городской усадьбы с садом, арх. Доменико Трезини, начало XVIII в.

⁵⁴ См. об этом: *Елина О. Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX века. В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 1.

⁵⁵ Напомним, что члены академического отрядов получали инструкции для анкетирования местных жителей в том числе по поводу наличия «медицинских огородов».

Отсутствие «ученого» влияния Стеллера на начальном этапе формирования Соликамского сада отмечает в своем очерке о Григории Демидове В. К. Штибен. Интересно, что автор подвергает сомнению даже рассмотренный выше эпизод визита академиков в Соликамск в 1742 г.:

Никто из них (речь идет о И. Г. Гмелине, Г. Ф. Миллере и С. П. Крашенинникове. – О. Е.) не только не упоминает ботанический сад в селе Красном или встречу с Григорием, но и ни строчки не пишет в своих путевых дневниках о Соли Камской⁵⁶.

По мнению Штибена, встреча с академиками могла произойти позже, в петербургской период. Это не исключено – в Петербурге Григорий действительно активно налаживал контакты с научными кругами. Добавим лишь – встречи повторной, ибо знакомство состоялось на Урале в 1742 г. и описано самими академиками.

Аналогичной версии в отношении Стеллера придерживается авторский коллектив, подготовивший к 300-летию Григория Демидова интернет-сборник о Соликамском саде⁵⁷. Его вдохновитель Е. В. Смирнов в предисловии поясняет: «Нам хочется рассказать, как исторический сад возник [...] Мы подготовили к публикации исторические факты, переводы и фрагменты документов»⁵⁸. Представляя читателю максимально полный свод материалов по формированию сада, авторы не стремились к их анализу: «Ни одной “дерзко-смелой” гипотезы, как-нибудь дополняющей пробелы в знаниях, в данном тексте нет»⁵⁹. Тем не менее в работе прочитывается очевидный тезис: научное направление развития Соликамского сада – самостоятельный выбор его владельца, получившего в публикации высокий статус «первого русского ботаника». Не обсуждая оценку научных деяний Григория Демидова, подчеркнем прежде всего несомненную заслугу авторского коллектива в отказе от версии «первого визита» Стеллера⁶⁰.

Переходим к эпизоду, в трактовке которого историки-демидоведы, «стеллероведы» и краеведы всех поколений единодушны: действительной встрече Григория Демидова с Георгом Стеллером в 1746 г. по завершении ученым путешествия в рамках Второй Камчатской экспедиции. Этот сюжет хорошо изучен и отражен в литературе, что избавляет от необходимости его

⁵⁶ Штибен. Григорий Демидов... С. 20–21.

⁵⁷ Существует также множество других интернет-ресурсов, с той или иной степенью подробности (и достоверности) публикующих документы и материалы по истории Соликамского сада. См., например: https://solbotsad.ucoz.ru/index/ehkologicheskie_uslovija/0-30.

⁵⁸ Смирнов. История Соликамского сада... (см. также: <https://uraloved.ru/istoriya/istoriya-solikamskogo-sada>).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Тематика тома шире заявленной: рассказ о Григории Демидове и Соликамском саде перемежается фрагментами о промышленном развитии края, его экспедиционных исследованиях. Документальный жанр публикации не всегда выдержан: в работу включен значительный объем материала, относящегося к беллетристическому повествованию. Опубликованные и архивные материалы, собранные воедино, открывают широкому кругу читателей увлекательную историю провинциального научного любительства, дают возможность исследователям составить картину развития соликамского демидоведения.

подробного изложения в данной статье. Остановимся лишь на моментах, раскрывающих нюансы сложившихся между Стеллером и Демидовым отношений, что важно для завершения «ботанического портрета» Григория.

Ко времени посещения Соликамска за плечами у Стеллера — годы испытаний и открытий: плавание с Берингом на Аляску и Алеутские острова, кораблекрушение и гибель командора, счастливое спасение, странствия по Камчатке, натуралистические наблюдения и сборы во всему маршруту передвижения⁶¹. 19 августа 1744 г. адъютант со «свитой» из нескольких помощников и огромным багажом «в количестве 16 ящиков с разными натуральными вещами, вывезенными с Камчатки», прибыл в Охотск, направляясь в Петербург⁶². Почти год он провел в Якутске, обрабатывая камчатские материалы. Вероятно, здесь же нашли временное пристанище живые растения. В сентябре 1745 г. Стеллера задержали в Иркутске для дачи показаний по поступившему на него доносу в связи с делами экспедиции⁶³. После длительных дознаний ситуация разъяснилась, Стеллер возобновил путь. По данным Стейнегера, в середине января 1746 г. он был в Красноярске, в начале марта — в Тобольске⁶⁴. Главное — с ним ехал бесценный растительный груз: не только гербарии и семена растений Дальнего Востока, но и ботанические сборы сибирского отрезка пути, в том числе — живые растения в ящиках и бочках, по технологии зимней перевозки путешествовавшие замороженными⁶⁵. К апрелю 1746 г. Стеллер достиг Урала. Его снова остановили, теперь на Верхотурской таможне, которая заявила об обнаруженных при досмотре излишках личного груза и потребовала оплатить пошлину. Стеллер отказался и покинул Верхотурье⁶⁶. «Многие и долго продолжающиеся осмотры собранных мною вещей и моего багажу [...] и другие препятствия [...] причиною были, что я весною 1746 г. в Петербург прибыть не мог», — писал Стеллер в своем последнем рапорте в академию⁶⁷. Тем не менее в Верхотурских горах ему удалось «ботанизировать» — единственному из участников

⁶¹ О научном наследии Стеллера см.: Стеллериана в России / Отв. ред. Э. И. Колчинский, сост. Э. И. Колчинский, Д. А. Гоголев, О. О. Кох, В. В. Рыкова. СПб.: Нестор-История, 2009; *Новохатко О. В.* Корреспонденция Георга Вильгельма Штеллера (1739–1746). Русско-германский издательский проект // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур / Ред. С. Я. Карп. М.: Наука, 2000. С. 125–132; Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740 / Ред. В. Хинтцше, Т. Николь, О. В. Новохатко. М.: Памятники исторической мысли, 1998 (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 1).

⁶² *Андреев.* Георг Вильгельм Стеллер... С. 263.

⁶³ Там же. С. 266.

⁶⁴ *Stejneger.* Georg Wilhelm Steller... P. 451–453.

⁶⁵ Некоторую часть семян, гербарии и другие грузы Стеллер отправил в Петербург еще из Иркутска: *Андреев.* Георг Вильгельм Стеллер... С. 268. Вероятно, это те самые отчеты, каталог растений и семена, которые были получены Академией наук в январе 1746 г. См. об этом: *Юркин.* Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки... С. 125.

⁶⁶ *Андреев.* Георг Вильгельм Стеллер... С. 268.

⁶⁷ Георг Вильгельм Стеллер // *Пекарский.* История императорской Академии наук... 1870. Т. 1. С. 602. Переписка Стеллера 1746 г., за исключением рапорта в Академию от 18 августа 1746 г. и «промежории», не сохранилась; стеллероведы восстанавливают события этого периода главным образом по косвенным свидетельствам его спутников.

экспедиции. В результате к концу апреля Стеллер добрался только до Соликамска. Туда же прибыл второй адъютант экспедиции, этнограф и историк И. Э. Фишер⁶⁸, который присоединился к Стеллеру в гостеприимном доме Г. А. Демидова⁶⁹. Между учеными установились доверительные отношения, так что «Стеллер в решительную минуту передал Фишеру не только некоторые рукописи, но и тот документ, который получил неправильное название “завещания Стеллера”»⁷⁰.

Для живых растений – «великого множества редких растущих вещей и кустов», перевозившихся замороженными «отводками»⁷¹, время могло быть упущено: наступила весна, требовалась срочная высадка в грунт. О растениях Стеллер писал в том же рапорте: «Принужден был либо все их бросить, либо в Соликамске остаться, к чему [мне] сад г. Демидова и прилежное надзирание сего саду способами казались»⁷². Чтобы не допустить гибели замороженной коллекции, Стеллер разместил ее у Демидова: «...выбрал сие [...] яко полезное для сада академического»⁷³.

Рассмотренная выше история садовых занятий Григория позволяет заключить: гостеприимный хозяин с его устремлениями и компетенциями оказался полностью готов к счастливой случайности обретения ценной ботанической коллекции. Стеллер нашел в Демидове не только обладателя богатого декоративного сада и знатока аптечных практик, но и собеседника, знакомого с естественными науками, осознающего важность научного коллекционирования, владеющего навыками сбора, культивирования и гербаризации растений. Один из биографов Стеллера Стейнегер предполагает, что именно настойчивые приглашения Григория задержаться у него с возможностью изучить местную флору могли повлиять на решение ученого не торопиться в Петербург. По его данным адъютант, отправивший в Петербург часть «свиты» с багажом и сам собравшийся было в дорогу по вскрывшейся Каме, доехав до Юго-Камских заводов А. Г. Строганова, почему-то вернулся в Соликамск⁷⁴. В итоге летние месяцы он провел в поездках и натуралистических

⁶⁸ Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771) – историк, археолог и филолог, академик Петербургской академии наук. Начал карьеру в 1730 г. проректором Академической гимназии. Зимой 1739 г. в качестве адъютанта был включен в состав Второй Камчатской экспедиции и командирован на смену Миллеру продолжать этнографические и исторические изыскания. Считается, что из-за плохого знания русского языка Фишер не только не справился с заданием, но и прослыл неуживчивым среди коллег, в быту приобрел репутацию невоздержанного и требовательного скандалиста. Как видим, Стеллер, напротив, симпатизировал Фишеру.

⁶⁹ *Stejneger. Georg Wilhelm Steller...* P. 466.

⁷⁰ *Андреев. Георг Вильгельм Стеллер...* С. 269.

⁷¹ Очевидно, речь идет не о результате вегетативного размножения, при котором наземные части растения укореняются, пока являются частью родительского растения. Предположу, что «отводки» в терминологии эпохи Стеллера – небольшие растения (например, разделенные части куста), удобные для зимней перевозки: обертывания мхом и «замораживания» (естественного замерзания в зимнее время).

⁷² Цит. по: Георг Вильгельм Стеллер // *Пекарский. История императорской Академии наук...* 1870. Т. 1. С. 602–603.

⁷³ Там же. С. 603.

⁷⁴ *Stejneger. Georg Wilhelm Steller...* P. 543.

сборах в Пермском крае, где удостоверился в единстве растительного мира Урала, Сибири и Дальнего Востока: «...около половины Сибирских и Камчатских плант на тех же местах в Пермии паки нашлись»⁷⁵. Скорее всего, в экспедициях участвовал и Григорий, который впоследствии писал Линнею:

Я очень счастлив, что посетил вместе со Стеллером много таких мест, как Верхотурские горы, реку Чусовую и др. Тогда были посажены в моем саду те растения, которые мы считали самыми замечательными так же как и те, которые были привезены Стеллером издалека и переданы мне⁷⁶.

Неожиданно 16 сентября в Соликамск прибыл пристав для повторной доставки Стеллера в Иркутск. Считается, что адъюнкты подписали себе «приговор», отказавшись от таможенной платы в Верхотурье. В результате Сибирский приказ затребовал пошлину от Академии наук, сведения об этом достигли Сената, где на тот момент еще не получили подтверждений об исходе иркутских дознаний и решили, что ученый самовольно покинул Сибирь; был выдан ордер на его арест⁷⁷.

До спешного отъезда 18 сентября Стеллер успел написать уже упомянутый рапорт в академию и так называемую «промеморию», переданную Фишеру, известную также как «завещание». В рапорте, помимо прочего, Стеллер просил академию позволить оставить высаженную коллекцию в Соликамске на перезимовку:

У г. Демидова в саду стоят около 80 редких кустов и плант, которые без меня с трудом возрасти могут, особливо, что некоторые от езды прошлогодней в болезненном состоянии находятся; но ежели оные там еще зиму простоят, то без всякого сомнения возрастут⁷⁸.

Лейтмотив «промемории», как и рапорта, — забота о судьбе коллекции. Стеллер объяснял происхождение растений и обстоятельства их срочной высадки в Соликамске, просил Фишера, чтобы тот убедил высокое руководство не трогать коллекцию до его возвращения и не предъявлять претензии Григорию за то, что «предназначенное для академии оказалось в его саду». Согласно Стеллеру, лишь он один повинен в случившемся; Демидов же, напротив, оказал академии услугу⁷⁹.

На пути к Иркутску адъюнкты нагнали известие об окончательном снятии обвинений; он повернул, но по дороге заболел и скончался в Тюмени. Все

⁷⁵ Цит. по: Георг Вильгельм Стеллер // *Пекарский*. История императорской Академии наук... 1870. Т. 1. С. 603. Труд Стеллера «Флора Пермии со многими описаниями новых трав» числится пропавшим: *Андреев*. Георг Вильгельм Стеллер... С. 279.

⁷⁶ Цит. по: *Андреев*. Георг Вильгельм Стеллер... С. 269–270; вариант перевода на русский язык: *Черкасова*. «Ваши научные познания...»... С. 45; английский перевод письма: *Stejneger*. Georg Wilhelm Steller... P. 471. Оригинал письма: Grigorij Akinfevich Demidov to Carl Linnaeus, 26 February 1748 // The Linnaean Correspondence. Letter L0877 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/77777671/>).

⁷⁷ *Андреев*. Георг Вильгельм Стеллер... С. 269.

⁷⁸ Георг Вильгельм Стеллер // *Пекарский*. История императорской Академии наук... 1870. Т. 1. С. 603.

⁷⁹ *Андреев*. Георг Вильгельм Стеллер... С. 262.

части коллекции — и привезенные Стеллером сибирские и дальневосточные сборы, и новые пермские растения — оказались у Григория в Соликамске. Впоследствии в переписке с Линнеем Григорий упоминал также оставленный ему гербарий Стеллера⁸⁰.

В своих уральских владениях Демидов не задержался: после смерти отца и тяжбы по разделу имущества уже в 1747 г. он переехал в Петербург, который стал главным местом его пребывания в 1750-х — начале 1760-х гг.⁸¹ Имение и сад в Соликамске посещал лишь наездами, поручив уход за насаждениями «умелому садовнику». В марте 1748 г. коллекция Стеллера была передана в Академию наук⁸².

Можно согласиться с А. С. Черкасовой, утверждающей, что встреча со Стеллером сделала садоводческие занятия Григория «значимыми для европейской науки»⁸³. В самом деле, обретение стеллеровской коллекции изменило статус Соликамского сада, задав ему вектор превращения в ботаническое собрание. Что, несомненно, добавило «вес» малоизвестному любителю в ученом мире. Как бы то ни было, наличие образцов флоры Дальнего Востока, Сибири и Урала, системно отобранных профессиональным ботаником, дало основание Григорию инициировать заочное знакомство с самым знаменитым натуралистом и ботаником того времени — Карлом Линнеем⁸⁴.

Представляясь Линнею в первом письме от 26 февраля 1748 г., Григорий рассказывал о своих садовых увлечениях, обстоятельствах и итоге встречи со Стеллером, спрашивал разрешения предоставить ученому образцы оказавшихся в Соликамске сибирских, камчатских и «тартарских» растений. И, не дожидаясь отклика, с тем же письмом отправил 62 вида семян «упомянутых растений». К Линнею Григорий обращался и с ответной просьбой — прислать семена американских, африканских и других редких растений, а также книги ученого⁸⁵. Письма с растительными образцами следовали одна за другой. Ко второму письму от 24 июня, сообщая о получении от Линнея 30 видов «индийских семян» (речь идет о семенах из Южной Америки), Григорий приложил 320 образцов растений, скорее всего, в виде гербария: речь шла о «ящике с растениями», но не о семенах, их Григорий обещал прислать позже, в случае заинтересованности Линнея. Отправленные Линнею гербарные листы частично являлись результатом сборов самого

⁸⁰ Grigorij Akinfievich Demidov to Carl Linnaeus, 26 June 1748 // The Linnaean Correspondence. Letter L0915 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/77777672/>).

⁸¹ Юркин. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки... С. 111–113.

⁸² Передача коллекции в академию зафиксирована 11 марта 1748 года. См. об этом: Летопись Российской академии наук / Ред. Н. И. Невская, Ю. Х. Копелевич, А. Б. Кузнецова. СПб.: Наука, 2000. Т. 1: 1724–1802 гг. С. 86, 88.

⁸³ Черкасова. «Ваши научные познания...»... С. 21.

⁸⁴ Переписка продолжалась с 1748 по 1760 г. Известно 13 писем Григория Демидова Карлу Линнею, которые, как и все бумаги и гербарные коллекции Линнея, хранятся в архиве Лондонского Линнеевского общества, см. оригиналы в: <http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/correspondence.html>. Письма переведены на русский язык и опубликованы под редакцией Черкасовой в одном из выпусков «Демидовского временника»: Черкасова. «Ваши научные познания...»... С. 45–65.

⁸⁵ Текст письма см. в ссылке 76.

Демидова («сам собирал в различных местах»), но в основном содержали растения, «подаренные Стеллером»: обращаясь к Линнею с просьбой об определении гербария, Демидов добавлял, что «Стеллер не успел этого сделать»⁸⁶. Судя по восторженному благодарственному сентябрьскому письму Демидова с уведомлением о получении гербария, Линней полностью выполнил просьбу⁸⁷. К последующим письмам также прилагались растения в разных видах и количествах⁸⁸. Демидов перенаправлял Линнею не только сибирские сборы, но и те образцы, которые попадали к нему от других корреспондентов. Например, к письму от 7 сентября 1749 г. прилагались 33 астраханских и персидских растения, которыми Григория одарил врач и натуралист И. Я. Лерхе⁸⁹. Отправка Линнею самой большой гербарной коллекции для «приведения в порядок по классам» (и с уведомлением о возможности оставить себе, «если что из них понравится», двойные экземпляры) — согласно «спецификации» Демидова, в количестве 844 образцов, более половины из которых — камчатские и сибирские растения, — состоялась 15 мая 1750 г.⁹⁰ Отвечая в следующем письме на вопросы Линнея относительно происхождения гербария, Григорий добросовестно пояснял, что «камчатские и травы далеких провинций Сибири» — это сборы Стеллера; персидские и астраханские образцы получены от Лерхе, «московские» и некоторые сибирские растения собраны самим Демидовым⁹¹. В сентябре 1751 г., к восторгу Демидова, Линней вернул ему обработанный гербарий⁹². Ответ-

⁸⁶ Текст письма см. в ссылке 80.

⁸⁷ Grigorij Akinfieievich Demidov to Carl Linnaeus, September 1748 // The Linnaean Correspondence. Letter L1050 (<http://linnaeus.c18.net/> или <https://linnean-online.org/7777673/>). Мы не располагаем сведениями о дальнейшей судьбе гербария. Заметим, что Линней внимательно следил, возвращен ли гербарий Григорию: 10 сентября он просил своего ученика Э. Г. Лидбека проконтролировать доставку. Это может свидетельствовать не только о корректности ученого, но и о ценности коллекции: Carl Linnaeus to Gustav Lidbeck, 10 September 1748 // The Linnaean Correspondence. Letter L0931 (<http://linnaeus.c18.net/>).

⁸⁸ Так, в письме от 28 октября 1748 г. Григорий уведомлял об отправке Линнею 10 видов «семян растений, привезенных покойным доктором Стеллером», «созревших в этом году в моем саду»: Grigorij Akinfieievich Demidov to Carl Linnaeus, 28 October 1748 // The Linnaean Correspondence. Letter L0969 (<http://linnaeus.c18.net/>).

⁸⁹ Grigorij Akinfieievich Demidov to Carl Linnaeus, 7 September 1749 // The Linnaean Correspondence. Letter L0946 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/7777675/>). Иоганн Якоб (Иван Яковлевич) Лерхе (1707—1780) — доктор медицины, выпускник Университета Галле. С 1731 г. — главный врач Астраханского корпуса, с 1736 г. — фельд-медик армии П. Ласси, участвовал в русско-турецкой войне, в 1742 г. — в шведском походе. В 1745 г. сопровождал в качестве врача русское посольство в Персию. С 1747 г. — в Астрахани у тестя, заведующего аптекарским огородом П. В. Поссиета. В 1750 г. — штафт-физик (глава медицинской службы) в Москве, с 1751 г. — в Санкт-Петербурге. С 1760 г. — директор Медицинской канцелярии.

⁹⁰ Grigorij Akinfieievich Demidov to Carl Linnaeus, 15 May 1750 // The Linnaean Correspondence. Letter L1135 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/7777676/>).

⁹¹ Письмо от 16 марта 1751 г.: Grigorij Akinfieievich Demidov to Carl Linnaeus, 16 March 1751 // The Linnaean Correspondence. Letter L1257 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/77776710/>).

⁹² Grigorij Akinfieievich Demidov to Carl Linnaeus, 13 September 1751 // The Linnaean Correspondence. Letter L1318 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/77776711/>).

ные шаги Линнея — присылка по запросам Григория авторских книг и растений из коллекции ученого. Из отдельных писем известно, какие именно растения получал от Линнея Григорий; вероятно, самый большой список семян — более 400 — прилагался к письму от 7 сентября 1749 г.⁹³ (в архиве Линнеевского общества этот список отнесен к письму от 2 декабря 1748 г.⁹⁴). Обмен растениями между Демидовым и Линнеем продолжался почти пять лет. В последнем из «ботанических» писем от 24 января 1752 г. Григорий опять упоминал про отправленные Линнеем семена растений из Сибири и Соликамска⁹⁵.

По свидетельству современников Линнея, в его собственном саду в Хаммарбю было высажено несколько десятков сибирских и дальневосточных растений⁹⁶. Вероятно, часть из них Линней получил от Григория⁹⁷. Благодаря Линнеевскому обществу имя Григория Демидова оказалось упомянуто в научной литературе уже в 1750 г.: И. Галениус, один из учеников Линнея, в своей диссертации *Plantae rariores camtschatcenses* писал о Демидове как о «превосходном знатоке растений», предоставившем для изучения «нашего руководителя» «выдающуюся коллекцию исключительную редких растений»⁹⁸.

Итак, Демидов продолжал использовать коллекцию Стеллера по крайней мере до 1752 г. В связи с этим остается ряд вопросов.

Не совсем понятна внутренняя позиция Григория: считал ли он себя временным хранителем коллекции, действующим по распоряжению и от имени Стеллера? Или полагал, что вправе самостоятельно распоряжаться растениями, оставленными на его попечение? Сопоставляя дату первого письма Линнеевскому обществу с отправленными образцами — 26 февраля 1748 г. — с датой поступления коллекции в Академию наук — 11 марта того же года — логично предположить второе. Возможно, к такому выбору Григория невольно подтолкнул сам Стеллер: не оставив Фишеру прямых указаний относительно доставки коллекции в случае непредвиденных обстоятельств, он всячески подчеркивал важность «услуги» по ее сохранению, оказанной Демидовым академии, а через нее — всему научному сообществу. В результате Григорий, выполнив

⁹³ См.: Черкасова. «Ваши научные познания...»... С. 54–56.

⁹⁴ Grigorij Akinfievich Demidov to Carl Linnaeus, 2 December 1748 // The Linnaean Correspondence. Letter L0997 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/7777675/>).

⁹⁵ Grigorij Akinfievich Demidov to Carl Linnaeus, 24 January 1752 // The Linnaean Correspondence. Letter L1359 (<http://linnaeus.c18.net/> или <http://linnean-online.org/77776712/>).

⁹⁶ См. об этом: Rowell, M. Linnaeus and Botanists in Eighteenth-Century Russia // Taxon. 1980. Vol. 29. No. 1. P. 15–26; Баландин С. А., Губанов И. А., Джарвис Ч. Э., Майоров С. Р., Симонов С. С., Соколов Д. Д. Растения из коллекции Карла Линнея в Гербарии Московского университета: история и научное значение. М.: ГЕОС, 2003; Штибен. Григорий Демидов... С. 27.

⁹⁷ Некоторые историки полагают, что без Демидова Линней не получил бы возможность ознакомиться с коллекциями Второй Камчатской экспедиции: знакомый с Линнеем с 1744 г. Гмелин не рискнул бы самовольно распоряжаться собственностью академии. См. об этом: Rowell. Linnaeus and Botanists... P. 17.

⁹⁸ См. об этом: Koroloff, R. Seeds of Exchange: Collecting for Russia's Apothecary and Botanical Gardens in the Seventeenth and Eighteenth Centuries, PhD Dissertation. University of Illinois. Urbana-Champaign, 2014. P. 188–190.

свои обязательства перед Стеллером, одновременно использовал коллекцию для приобретения статуса в ученом мире.

Далее: памятуя скорый переезд с Урала, неясно, откуда Григорий в течение многих лет поставлял растения Линнею. Так, на большинстве писем ученому, составленных секретарями Демидова (и не всегда содержащими его подпись), в качестве места отправления указан Петербург (в двух случаях — Москва). Вероятно, Григорий вывез в столицу и предназначенное для передачи в академию, и дубликаты для обмена.

Вопрос, связанный с предыдущим: что именно получал от Демидова Линней? Учитывая длительность обмена и тот факт, что значительная часть растений представляла собой однолетники, следует предположить репликацию коллекции. То есть Григорий отправлял Линнею не только дубликаты Стеллера, но также образцы, полученные в результате вегетативного размножения (из «отводков», в терминологии того времени) или из семян оригинальной коллекции. (Заметим в скобках, что на размноженные растения у него имелось прав больше, чем на сборы Стеллера.) То же самое относится к поступлениям от других лиц: И. Я. Лерхе и С. П. Крашенинникова. В любом случае должна была существовать перевалочная база, где можно было не только передерживать, но и размножать растения.

Действительно, имеются сведения о петербургских садах Григория. Так, по данным Е. И. Красновой, приусадебный сад на Мойке был известен как питомник редких растений⁹⁹. Логично предположить, что в этом и других садах могла временно содержаться и воспроизводиться доставленная с Урала коллекция Стеллера. Тем не менее ботанический успех Соликамска в столице не повторился. Возможно, Григорий и не стремился к этому. Так или иначе, до своей ранней кончины в 46 лет (что считалось преждевременным даже по меркам того времени) он оставался владельцем выдающегося соликамского ботанического собрания. Более того, живя в Петербурге, Григорий пополнял свою коллекцию на расстоянии, переправляя в Соликамск новые приобретения: семена американских, африканских и других растений, полученные от Линнея; образцы растений Астрахани, персидской провинции Гилян, «сарацинской» (арабской) флоры, которую поставлял Демидову Лерхе.

Переписка с Линнеем позволяет судить о переменах, которые произошли с соликамским «ботанофилом». Вероятно, он уже освоил немецкий, поскольку просит Линнея писать ему именно на этом языке; знаком и с латынью, свободно оперирует латинскими названиями растений. Письма Григория демонстрируют глубокие для любителя познания в ботанике, прежде всего в систематике. Что не удивительно: он не раз упоминает, что выпиывает труды самого Линнея и другую европейскую естественно-научную литературу. Обращения Григория в академию с просьбой присылать экземпляры «всех печатающихся в Академии книг» говорят о последовательном

⁹⁹ Краснова Е. И. История домовладения и застройки участка бывшей усадьбы Демидовых на Мойке // Петербургские чтения. Тезисы докладов коференции / Сост. Т. А. Славина, С. В. Семенов. СПб.: Санкт-Петербургская ассоциация исследователей города, 1992. С. 126–130.

приобретении российских изданий по естествознанию¹⁰⁰. Работы незамедлительно прочитывались, как можно судить по гневному письму Линнею после знакомства с одной из них, авторства «недобросовестных ученых», присвоивших, по мнению Демидова, научные результаты Стеллера и Крашенинникова. Заметим, что именно от Демидова Линней впервые узнал о Стеллере: в архиве Линнея имеется короткий комплиментарный очерк об этом ранее не известном ему ученом, к сожалению, оставшийся в набросках¹⁰¹. Годы не загасили интерес к науке и образованию: в 1760 г. Григорий, отправляя Линнею свое последнее письмо, просит принять на обучение в Упсале своих сыновей, поясняя:

По возвращении на родину они присоединят свою признательность к моей и будут усердно следовать Вашим наставлениям во всем, что будет достойно Ваших исследований в различных областях естествознания¹⁰².

Нам остается сказать о видовом разнообразии Соликамского сада. Каталога его коллекций времен Григория Демидова не существует¹⁰³. Отчасти о насаждениях можно судить по более поздним описаниям, относящимся к периоду, когда сад находился в собственности сына Александра (до 1772 г.). При этом визитеры, будучи профессионалами, обращали внимание не только на вызывающие изумление в этих местах экзотические растения, «с великим рачением из отделенных частей света привезенные», но и на представленную в саду флору Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Путешественник и географ Н. П. Рычков, осмотревший сад 26 августа 1770 г., в своих записках впервые отметил его как ботанический, поскольку

в нем можно найти собрание большей части трав, растущих в Африке, Америке, в Сибири и в самых Камчатских пределах. Сад разделен на множество оранжерей и цветников, из которых каждая особливо заключает в себе растения других стран¹⁰⁴.

Сравнивая с собранием Демидовых другой богатый соликамский сад, принадлежащий А. С. Турчанинову (впоследствии выкупившему демидовские владения), Рычков обращает внимание на «внешнее великолепие оранжерей», но замечает, что «недостает в них еще такого собрания трав и протчих растений, каковыя находятся в первом (т. е. саду Демидова. — О. Е.)»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Пирогова. Библиотеки Демидовых... С. 38.

¹⁰¹ См.: <https://linnean-online.org/144651/> или <http://linnean-online.org/151305/>.

¹⁰² Цит. по: Черкасова. «Ваши научные познания...»... С. 65.

¹⁰³ При жизни Григория сад упоминался в отчете о путешествии в Сибирь в 1761 г. французского астронома Ж. Ш. д'Отроша, который описывал поразивший его сад с 12 оранжереями, наполненными фруктовыми деревьями из Франции, Италии и др. под надзором «умелого садовника» с научными познаниями: *d'Auteroche, Ch. Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761...* Paris: Chez Debure, 1768. Т. 1. Р. 80–81.

¹⁰⁴ Рычков Н. П. Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: Императорская академия наук, 1772. С. 101.

¹⁰⁵ Там же.

Самое подробное описание коллекций сада принадлежит академику И. И. Лепёхину, остановившемуся на несколько дней в Соликамске в 1771 г. Он составил перечень из более 500 видов растений с комментарием, что «только те замечены, которые [...] в короткое время рассмотреть было можно». Разумеется, в список попали экзоты: агава (2 вида), алое (14 видов), амарант (5 видов), амариллис (4 вида), аристолохия (кирказон, 3 вида), асфоделус (2 вида), банан, бегония, несколько видов бромелиевых (в том числе 5 видов ананаса), кактус (18 видов), канна (3 вида), кофейное дерево, лимон, рудбекия, фикус и др.¹⁰⁶ Но Лепёхина интересуют и местные виды, про их наличие в саду он пишет следующее: «Самой крестьянин найдет тут такие растения, которые без дальнего приюту всходят, стоят, созревают и распложаются; как то горной лен и Сибирская греча и проч.». Среди этих «прочих»: ветреница сибирская (*Anemone sibirica* Linn.), астра сибирская (*Aster sibiricus* Linn.), несколько видов васильков (*Centaurea glastifolia* Linn., *C. paniculata* Linn., *C. sibirica* Linn.), василистник (*Thalictrum contortum* Linn.), горец (*Polygonum divaricatum* Linn., *P. bistorta* Linn., *P. frutescens* Linn.), колокольчик сибирский (*Campanula sibirica* Linn.), мордовник обыкновенный (*Echinops ritro* Linn.), пижма сибирская (*Tanacetum sibiricum* Linn.), смолевка сибирская (*Cucubalus sibiricus* Linn.) и др.¹⁰⁷

Рассказывая о визите к Демидовым, Лепёхин, вероятно, впервые в литературе упоминает о них в контексте науки и просвещения, связывает с Линнеем, тем самым включая владельцев соликамского собрания в мировую историю ботаники:

Сад г. Демидовых [...] не только служит великолепием, но и доказывает особливую их к тому склонность и охоту, которая уже довольно из других книг, а особливо чрез славнаго испытателя натуры г. Линнея известна¹⁰⁸.

Описанные натуралистами коллекции Соликамского сада сложились при Григории; после его переезда в Петербург они не только поддерживались «умелыми садовниками», но и пополнялись новыми образцами. В том, что сад на протяжении многих лет после кончины своего основателя сохранял ботаническую значимость, можно усмотреть заслугу наследников Григория, прежде всего сына Александра.

Заметим, что, говоря о «ботаническом» характере демидовского собрания, мы не считаем его полноправным ботаническим садом в классических категориях А. Декандоля: как места *обучения ботанике, практического изучения растений и публичного отдыха*¹⁰⁹, из которого выросло современное

¹⁰⁶ Все наименования приводятся по оригиналу Лепёхина без соотнесения с современной таксономией и систематикой, опущены лишь ссылки на соответствующие страницы труда Линнея *Species plantarum*, сделанные для каждого растения.

¹⁰⁷ *Лепёхин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора [...] по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб.: Императорская академия наук, 1814. С. 136–189.

¹⁰⁸ Там же. С. 135–136.

¹⁰⁹ *De Candolle, A. P.* Jardin de botanique // Dictionnaire des sciences naturelles / F. Cuvier (ed.). Strasbourg: F. G. Levrault; Paris: Le Normant, 1822. Vol. 24. P. 172.

определение сада как таксономической коллекции живых растений («живого гербария»), используемой для научных исследований, сохранения биоразнообразия, демонстрации и образовательных целей.

Соликамские коллекции продолжали жизнь и в собраниях братьев Григория, прежде всего Прокофия. Известно, что в его тульские владения доставлялись «отводки» и семена из Соликамска, в том числе знаменитые сибирские кедры (кедровая сосна)¹¹⁰. В Нескучном саду также имелись соликамские растения, особенно много их перевезли в Москву после продажи сада в 1772 г.

Отметим также распространенное по миру гербарное наследие Г. А. Демидова / Г. В. Стеллера, сегодня доступное для изучения благодаря оцифровке крупнейших мировых гербарных собраний. В гербарии Линнея в Линнеевском обществе (L) имеется 30 листов, где коллектором указан Стеллер¹¹¹. Самый большой массив листов, имеющих подпись *Demidoff/Demidow/Demidov/Steller* в качестве коллектора и *Siberia* как регион сбора, сосредоточен в Музее естественной истории в Париже (P)¹¹². Однако есть основания предполагать, что атрибуция многих листов ошибочна, они являются более поздними сборами Э. Г. Лаксмана¹¹³. Так или иначе, имя Демидова на листах с сибирскими растениями служит подтверждением того значительного места в науке, которое занял соликамский «ботанофил».

* * *

Выделился бы Соликамский сад среди других «парадизов» середины XVIII в., если бы не его удачное географическое расположение на пути экспедиционных маршрутов Второй Камчатской экспедиции? Оказался бы его владелец одним из корреспондентов и адресатов благодарностей Линнея, если бы не обретение коллекции Стеллера?

Ответим на вопросы так: зерно счастливой случайности упало на подготовленную почву.

Сообщения очевидцев и личные документы Григория Демидова свидетельствуют: ранняя история его растительных увлечений не так однозначна, как это принято считать. В ней не нашлось места встрече с профессионалом, которая задала бы «ботанический» импульс занятиям молодого заводчика. Напротив, в своих садовых исканиях Григорий долгие годы был знатоком-самоучкой; советы от людей науки ему если и поступали, то только в письмах. Начав, в традициях дворянства, с закладки «изящного сада», Григорий тратил огромные богатства на «невинное наслаждение» «куриозными

¹¹⁰ Юркин. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки... С. 83.

¹¹¹ Листы с <https://linnean-online.org/5251/> по <https://linnean-online.org/8884/>.

¹¹² См.: <https://science.mnhn.fr/institution/mnhn/collection/p/item/list?recordedBy=Demidoff>.

¹¹³ Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман (1736–1796) – российский химик, ботаник, зоолог, географ, путешественник шведского происхождения. С 1764 г. – пастор лютеранской общины в Барнауле. В 1764–1768 гг. проводил исследования по ботанике, зоологии, метеорологии, минералогии и химии, побывал на границе Монголии и Китая, доезжал до Кяхты, посетил Нерчинские заводы. В 1764 г. состоял в переписке с Линнеем. В 1770 г. избран в ординарные академики «по экономии и химии».

плантами». Но одновременно углубленно изучал местную лекарственную флору, составлял собственный травник, выращивал растения и слыл умелым аптекарем. В этом дуализме наука дополняла развлечение: затеявая переписку с учеными в конце 1730-х гг., Григорий ставил целью не только умножение растительной роскоши, но и научное коллекционирование, приобщение к сфере профессионального знания. Визит академиков в 1742 г., несомненно, способствовал углублению интереса к ботанике, но не инициировал его, как можно предполагать.

К моменту знакомства со Стеллером в 1746 г. соликамский заводчик оказался полностью готов к превращению в «соликамского ботаника»: это был уже эрудированный «ботанофил», знакомый с началами естественных наук, собравший коллекции оранжерейных «экзотов» и местных растений, владевший важными практиками — от проращивания семян до гербаризации. Визит Стеллера сделал сад в Соликамске *ботанически значимым*, и не только потому, что адъютант оставил там привезенные из экспедиции растения. Общение Григория Демидова со Стеллером закрепило понимание смысла коллекционирования как занятия научного — последовательного собирания, изучения и определения образцов, помещения их в ячейки системы растительного царства.

Дальнейшая «ботаническая» история Григория выстраивалась в соответствии с усвоенными уроками: во главу угла была поставлена систематизация собранного богатства, придание «наслаждению» научного смысла. Не случайно в предисловии к *Species plantarum* Линней отметил Григория среди «друзей-ботаников из разных стран», которые снабжали его «семенами, образцами и высушенными растениями». Демидов оказался в престижном окружении выдающихся ученых: Линней поместил его имя рядом с именами директора Берлинского ботанического сада Г. Гледича, директора Лейденского ботанического сада А. ван Ройена, академика С. П. Крашенинникова¹¹⁴. Таким образом, самый известный ботаник в мире в своем самом знаменитом труде назвал Демидова не любителем, но *ботаником*.

Можно с уверенностью заключить: «игра в профессионала» для Григория Демидова если и не увенчалась полной победой, то, несомненно, принесла громкий успех.

Автор благодарит И. Н. Юркина за ценные рекомендации и комментарии и О. В. Юрцеву за консультации по ботанической части статьи.

References

- Andreev, A. I. (1965) Georg Vil'gel'm Steller [Georg Wilhelm Steller], in: Iatsunskii, V. K. (ed.) *Ocherki po istochnikovedeniiu Sibiri [Essays on the Source Study of Siberia]*. Moskva and Leningrad: Nauka, vol. 2: XVIII v. (pervaia polovina) [18th Century (First Half)], pp. 229–286.
- Andreev, A. I. (1965) Gerkhard Fridrikh Miller [Gerhard Friedrich Müller], in: Iatsunskii, V. K. (ed.) *Ocherki po istochnikovedeniiu Sibiri [Essays on the Source Study of Siberia]*. Moskva and Leningrad: Nauka, vol. 2: XVIII v. (pervaia polovina) [18th Century (First Half)], pp. 73–164.

¹¹⁴ *Linnaeus, C. Species Plantarum, exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relates... Holmiae: Impensis Laurentii Salvii, 1753. T. 1. P. IV.*

- Balandin, S. A., Gubanov, I. A., Dzharvis, Ch. E., Maiorov, S. R., Simonov, S. S., and Sokolov, D. D. (2003) *Rastenii iz kolleksii Karla Linneia v Gerbarii Moskovskogo universiteta: istoriia i nauchnoe znachenie [Plants from Carl Linnaeus' Collection in the Moscow University Herbarium: History and Scientific Significance]*. Moskva: GEOS.
- Ban'kovskii, L. V. (1997) *Permistika. Zametki ob istokakh permskoi regional'noi kul'tury [Perm Studies. Notes on the Origins of the Permian Regional Culture]*. Perm: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Ban'kovskii, L. V. (2007) Botanicheskii sad Grigoriia Demidova [Botanical Garden of Grigori Demidov], *Nauka i zhizn'*, no. 2, pp. 24–31.
- Ban'kovskii, L. V. (2010) *Sad XVIII veka. 3-e izd. [The 18th-Century Garden. 3rd ed.]*. Solikamsk: SGPI.
- Carl Linnaeus to Gustav Lidbeck, 10 September 1748, in: The Linnaean Correspondence. Letter L0931 (<http://linnaeus.c18.net/>).
- Cherkasova, A. S. (2008) “Vashi nauchnye poznanii... izvestny mne...” (Pis'ma Grigoriia Akinfieva i Pavla Grigor'evicha Demidovykh Karlu Linneiu) [“Your Scientific Knowledge... Is Known to Me...”] (Letters from Grigori Akinfieva and Pavel Grigorievich Demidov to Carl Linnaeus), in: Cherkasova, A. S., Pavlovskii, N. G., and Krupina, T. V. (eds.) *Demidovskii vremennik: istoricheskii al'manakh. 2-e izd. [Demidov Annals: A Historical Almanac. 2nd ed.]*. Ekaterinburg: Demidovskii institut, book 2, pp. 9–84.
- Cherkasova, A. S. (2010) *Prokofii Akinfieva Demidov: avtoportret v pis'makh. 1735–1786 [Prokofii Akinfieva Demidov: A Self-Portrait in Letters. 1735–1786]*. Ekaterinburg: Russkii mir”.
- Chernov, N. N. (2010) Botanicheskie uvlecheniia ural'skikh zavodchikov Demidovykh [Botanical Hobbies of the Ural Industrialists Demidovs], *Geograficheskii vestnik*, no. 3 (14), pp. 77–79.
- Chernyi, V. D. (2010) *Russkie srednevekovye sady: opyty klassifikatsii [Russian Medieval Gardens: An Attempt at Classification]*. Moskva: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- D'Aueroche, Ch. (1768) *Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761...* Paris: Chez Debure, vol. 1.
- De Candolle, A. P. (1822) Jardin de botanique, in: Cuvier, F. (ed.). *Dictionnaire des sciences naturelles*. Strasbourg: F. G. Levrault and Paris: Le Normant, vol. 24, p. 172.
- Delil', Zh. (Delille, J.) (1987) *Sady [Gardens]*. Leningrad: Nauka.
- [Demidov N. A.] (1786) *Zhurnal puteshestviia ego vysokorodiia gospodina statskogo sovetnika... Nikity Akinfieva Demidova po inostrannym gosudarstvam s nachala vyezda Ego iz Sankt-Peterburga 17 marta 1771 goda po vozvrashchenie v Rossiiu, noiabria 22 dnia 1773 goda. [The Journal of the Tour of His High Born Mr. Councillor of State... Nikita Akinfieva Demidov of Foreign Countries from His Departure from St. Petersburg on March 17, 1771, until His Return to Russia on November 22, 1773]*. Moskva: Tipografiia F. Gippiusa.
- Elina, O. (2007) Private Botanical Gardens in Russia: Between Noble Culture and Scientific Professionalization, *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes*, vol. 28, no. 3–4, pp. 525–547.
- Elina, O. (2018) Passion for Plants: Collections and Power Games in Botany in the 18th – Beginning of the 19th Century Russian Empire, *Centaurus*, vol. 60, no. 4, pp. 257–275.
- Elina, O. Iu. (2008) Ot tsarskikh sadov do sovetkikh polei. Istoriia sel'skokhoziaistvennykh opytnykh uchrezhdenii, XVIII – 20-e gody XX veka. V 2 t. [From the Tsar's Gardens to the Soviet Fields. History of Agricultural Experiment Institutions, 18th Century – the 1920s. In 2 vols.]. Moskva: Egmont-Rossiiia.
- Elina, O. Iu. (2015) Liubiteli i professionaly: botanika i arkhitektura v sadakh A. K. Razumovskogo v Tsentral'noi Rossii i Malorossii [Amateurs and Professionals: Botany and Architecture in the Gardens of A.K. Razumovsky in Central Russia and Malorussia], in: Baturin, Iu. M., and Fando, R. A. (eds.) *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2015 [S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Conference, 2015]*. Moskva: LENAND, vol. 1, pp. 453–457.
- Evangulova, O. S. (2003) *Khudozhestvennaia “Vselennaia” russkoi usad'by [Artistic “Universe” of Russian Estate]*. Moskva: Progress-Traditsiia.
- Georg Vil'gel'm Steller [Georg Wilhelm Steller] (1870), in: Pekarskii, P. P. *Istoriia Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge [The History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]*. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi AN, vol. 1, pp. 587–616.

- Gmelin, I. G. (Gmelin, J. G.) (2012) *Puteshestvie v Sibir'. Fragment [A Journey to Siberia. A Fragment]*. Solikamsk, 2012.
- Gmelin, Iogann-Georg [Gmelin, Johann-Georg], in: Pekarskii, P. P. *Istoriia Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge [The History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]*. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi AN, vol. 1, pp. 431–457.
- Gmelin, J. G. (1751) *Reise durch Sibirien, von dem Jahre 1733 bis 1743*. Göttingen: Vandenhoeck, part 1.
- Gmelin, J. G. (1752) *Reise durch Sibirien, von dem Jahre 1733 bis 1743*. Göttingen: Vandenhoeck, part 4.
- Golovshchikov, K. D. (1881) *Rod dvorian Demidovykh [The Family of the Nobles Demidovs]*. Iaroslavl: Tipografiia Gubernskogo pravleniia.
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 2 December 1748, The Linnaean Correspondence, Letter L0997 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/77777675/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 13 September 1751, The Linnaean Correspondence, Letter L1318 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/777776711/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 15 May 1750, The Linnaean Correspondence, Letter L1135 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/77777676/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 16 March 1751, The Linnaean Correspondence, Letter L1257 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/777776710/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 24 January 1752, The Linnaean Correspondence, Letter L1359 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/777776712/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 26 February 1748, The Linnaean Correspondence, Letter L0877 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/77777671/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 26 June 1748, The Linnaean Correspondence, Letter L0915 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/77777672/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 28 October 1748, The Linnaean Correspondence, Letter L0969 (<http://linnaeus.c18.net/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, 7 September 1749, The Linnaean Correspondence, Letter L0946 (<http://linnaeus.c18.net/> or <http://linnean-online.org/77777675/>).
- Grigorij Akinfievič Demidov to Carl Linnaeus, September 1748, The Linnaean Correspondence, Letter L1050 (<http://linnaeus.c18.net/> or <https://linnean-online.org/77777673/>).
- Iurkin, I. N. (1998) *Demidovy v Tule. Iz istorii stanovleniia i razvitiia promyshlennoi dinastii [The Demidovs in Tula. From the History of the Formation and Development of an Industrial Dynasty]*. Moskva and Tula: Rarus.
- Iurkin, I. N. (2001) *Demidovy – uchenye, inzhenery, organizatory nauki i proizvodstva. Opyt naukovedcheskoi prosopografii [The Demidovs as Scientists, Engineers, Organizers of Science and Industry. An Exercise in Scientific Prosopography]*. Moskva: Nauka.
- Iurkin, I. N. (2003) K istorii russkikh usadebnykh sadov XVII veka [On the History of Russian Manor Gardens of the 17th Century], *Izvestiia Tul'skogo universiteta, Istoriia i kul'turologiia*, vol. 1, no. 1, pp. 12–31.
- Iurkin, I. N. (2012) *Demidovy. Stoletie pobed [The Demidovs. A Century of Victories]*. Moskva: Molodaia gardiia.
- Karavaev, M. N. (1972) Rol' Moskovskogo meditsinskogo ogoroda v razvitiu botaniki v nachale XVIII v. [The Role of Moscow Medicinal Garden in the Development of Botany in the Early 18th Century], *Biulleten' MOIP, otdel biologicheskii*, vol. 77, pp. 142–148.
- Karavaev, M., and Efimov, A. I. (1983) Prokofii Demidov – naturalist XVIII veka [Prokofii Demidov, an 18th Century Naturalist], *Priroda*, no. 2, pp. 96–101.
- Khintsshe, V., Nikol' T., and Novokhatko, O. V. (eds.) (1998) *Georg Vil'gel'm Shteller. Pis'ma i dokumenty. 1740 [Georg Wilhelm Steller. Letters and Documents. 1740]*. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli (Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov. T. 1 [Sources for the History of Siberia and Alaska from Russian Archives, vol. 1]).
- Kolchinskii, E. I. (ed.) (2009) *Stelleriana v Rossii [Stelleriana in Russia]*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia.
- Koroloff, R. (2014) *Seeds of Exchange: Collecting for Russia's Apothecary and Botanical Gardens in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*, PhD Dissertation. University of Illinois. Urbana-Champaign.

- Krasnova, E. I. (1992) Istoriia domovladieniia i zastroiki uchastka byvshei usad'by Demidovykh na Moike [The History of Property and Development of the Site of the Former Demidovs Estate on the Moika], in: Slavina, T. A., and Sementsov, S. V. (comp.) *Peterburgskie chteniia. Tezisy dokladov koferentsii* [St. Petersburg Readings. Abstracts]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaia assotsiatsiia issledovatelei goroda, pp. 126–130.
- Lepekhin, I. I. (1814) *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia Ivana Lepekhina, akademika i meditsiny doktora... po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1771 godu* [The Continuation of the Daily Notes of the Journey of Ivan Lepekhin, Academician and Doctor of Medicine... across Different Provinces of the Russian State in 1771]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia akademiia nauk.
- Linnaeus, C. (1753) *Species Plantarum, exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relates...* Holmiae: Impensis Laurentii Salvii, vol. 1.
- Miuller, Gerard-Fridrikh [Müller, Gerhard Friedrich], in: Pekarskii, P. P. *Istoriia Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge* [The History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi AN, vol. 1, pp. 308–430.
- Nevskaia, N. I., Kopelevich, Iu. Kh., and Kuznetsova, A. B. (eds.) (2000) *Letopis' Rossiiskoi akademii nauk* [Chronicles of the Russian Academy of Science]. Sankt-Peterburg: Nauka, vol. 1: 1724–1802 gg. [1724–1802].
- Novokhatko, O. V. (2000) Korrespondentsiia Georga Vil'gel'ma Shtellera (1739–1746). Russkogermanskii izdatel'skii proekt [Correspondence of Georg Wilhelm Steller (1739–1746). Russian-German Publishing Project], in: Karp, S. Ia. (ed.) *Russkie i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* [Russians and Germans in the 18th Century. The Meeting of Cultures]. Moskva: Nauka, pp. 125–132.
- Okhotina-Lind, N. A., and Meller, P. U. (comp.) (2001–2009) *Vioraia Kamchatskaia ekspeditsiia. Dokumenty* [The Second Kamchatka Expedition. Documents]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, vols. 1–4.
- [Pallas P. S.] (1781) *Katalog rasteniiam, nakhodiashchimsia v Moskve v sadu... Prokofiiia Akinfievicha Demidova, sochinennyi P. S. Pallasom, akademikom sankt-peterburgskim* [The Catalog of Plants Present in the Garden... of Prokofii Akinfievich Demidov, Compiled by P. S. Pallas, St. Petersburg Academician]. Sankt-Peterburg: Pri Imperatorskoi akademii nauk.
- Pirogova, E. P. (2000) *Biblioteki Demidovykh: knigi i sud'by* [The Demidovs' Libraries: Books and Fates]. Ekaterinburg: Sokrat.
- Rentsch, M. (2013) *Traugott Gerber (1710–1743), ein deutscher Arzt und Forschungsreisender im Dienst der Botanik und Medizin im Russland des 18. Jahrhunderts*. Dresden: Eigendruck der SLUB Dresden.
- Rowell, M. (1980) Linnaeus and Botanists in Eighteenth-Century Russia, *Taxon*, vol. 29, no. 1, pp. 15–26.
- Rychkov, N. P. (1772) *Prodolzhenie zhurnala ili dnevnykh zapisok puteshestviia kapitana Rychkova po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva, 1770 godu* [The Continuation of the Journal or Daily Notes of Captain Rychkov's Journey across Different Provinces of the Russian State in 1770]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia akademiia nauk.
- Shtiben, V. K. (2011) *Grigorii Demidov: pervyi biograficheskii opyt* [Grigorii Demidov: The First Attempt at a Biography]. Solikamsk: Pchela.
- Smirnov, E. V. (ed.) (2015) *Istoriia Solikamskogo sada*. Solikamsk, 2015 [The History of the Solikamsk Garden] (<https://uraloved.ru/istoriya/istoriya-solikamskogo-sada>).
- Sprengel, K. (1818) *Geschichte der Botanik. In 2 Teilen*. Altenburg and Leipzig: F. A. Brockhaus.
- Stejneger, L. H. (1936) *Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Svalov, V. M. (1983) *Takoi netipichnyi Demidov: o botanicheskom sade G. A. Demidova* [Such an Uncharacteristic Demidov: On G. A. Demidov's Botanical Garden], *Ural'skii sledopyt*, no. 4, pp. 74–76.
- Trautvetter, E. R. (1837) *Grundriss einer Geschichte der Botanik in Bezug auf Russland*. St. Petersburg: Aus der Druckerei der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Vergunov, A. P., and Gorokhov, V. A. (1988) *Russkie sady i parky* [Russian Gardens and Parks]. Moskva: Nauka.

Received: February 28, 2022.